

В.Н. Дядичев

«Юбилейное»

Поводом для создания стихотворения «Юбилейное» (1924) явилась 125-я годовщина со дня рождения А.С. Пушкина. Произведение написано в форме разговора, беседы-исповеди. К этой особой жанровой поэтической форме — «разговора», «беседы», «послания», «письма», «размышления», — существенно обновленной по сравнению с предшественниками — поэт стал обращаться особенно часто во второй половине 1920-х годов. Манера разговора с классиком в «Юбилейном» — не задиристая, но и не юбилейно-восхваляющая. Тон беседы вежливый, уважительный, искренний и непринужденный, иногда шуточный, с заметной долей самоиронии. Время действия в стихотворении — ночь («В небе вон / луна / такая молодая...»), традиционная пора различных превращений и приключений. Это позволяет поэту реализовать фантастический сюжет встречи с живым Пушкиным. Но Маяковский не совершает классического путешествия во времена своего собеседника, а наоборот, Пушкин перемещен им из XIX в XX век. Круг вопросов, по которым поэтам «при жизни» «сговориться б надо», достаточно широк, что рождает своего рода полисюжетность стихотворения.

Один из таких мотивов — мотив любви. Поэт заявляет, что он

теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.

Лежащая «медвежья шкура» — это символ закончившейся, умершей любви. Любви, которая в поэме «Про это» (1923) олицетворялась страдающим, ревнующим, живым медведем. Теперь это лишь мертвая шкура. Теперь все это в прошлом. Применительно к Пушкину при обсуждении любовной темы возникают имена и литературных героев — Онегина, Татьяны, Ольги, — и реальных «охотников до наших жен»: «Сукин сын Дантес! / Великосветский шкода...» Другая сюжетная линия связана с разговором о славе, вечности, этическом бессмертии, о памятнике, монументе как олицетворении этого бессмертия:

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию...
.....
Заложил бы
динамиту —
ну-ка, дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!

Важнейшим видом преодоления смерти становится, по Маяковскому, книга. Книга, как одно из перевоплощений ее создателя, поэта-человека, во всей его духовной и физической «материальности». Книга обозначает жизнь поэта «после смерти». В пространстве и времени библиотеки:

После смерти
 нам
 стоять почти что рядом:

 вы на Пе,
 а я
 на эМ...

Установив рамки нового алфавита и поэтическую иерархию, начинающуюся именем Пушкина, Маяковский проводит шуточный смотр русской поэзии. При этом им оригинально обыгрываются говорящие за себя фамилии классиков и современников. Так рождаются остроты и каламбуры. Державин осмысливается как законодатель эстетической власти и одновременно державный, государственный поэт. Некрасов — как опровержение собственной фамилии («он и в карты, / он и в стих, / и так / неплох на вид...»). Надсон же отправляется «на Ща», по-видимому, потому, что навевает «сон» (такое олицетворение фамилии Надсона — с ударением на втором слоге — реализовано позднее, в пьесе «Клоп»: «...на сон не читайте Надсона и Жарова»). Прямое отождествление фамилии и содержания, как ни то ни се, «морковный кофе», представлено поэтом Безыменским. В целом Маяковский жалуется Пушкину, что «чересчур / страна моя / поэтами нища», а от многих поэтов-современников «от зевоты / скулы / разворачивает аж!» Еще одна линия беседы — это определение места и участия живого классика Пушкина в поэтической жизни XX века. Ясно, что писать стилем и стихом Пушкина со всеми его особенностями в XX веке уже нельзя («Вам теперь / пришлось бы / бросить ямб картавый...»). Представляются устаревшими и многие пушкинские темы («...битвы революций / по-серьезнее «Полтавы», / и любовь / пограндиознее / онегинской любви...»). Но для Маяковского несомненна и современность классика, актуальность его творческого наследия («Были б живы — / стали бы / по Лефу соредатор...»; «Вы б смогли — / у вас / хороший слог...»).

В конечном счете в художественном мире «Юбилейного» торжествует жизнь. Жизнь заявляет о себе самим фактом «существования» поэзии, которая неподвластна смерти. С уходом Пушкина поэтическое слово не исчезло, поэзия не остановилась. Тайна же встречи Маяковского с живым Пушкиным рассеивается под воздействием дневного света:

Ну, пора:
 рассвет
 лучища выкалил.
 Как бы
 милиционер
 разыскивать не стал.
 На Тверском бульваре
 очень к вам привыкли.
 Ну, давайте,
 подсажу
 на пьедестал.

Фабула стихотворения завершается событием, противоположным завязке сюжета. Вначале Пушкину помогали сойти с пьедестала («Я тащу вас... Стиснул? Больно? Извините, дорогой...»), что означало возвращение классика в жизнь без «хрестоматийного глянца». В финале Пушкин «подсаживается» на пьедестал, но это пьедестал не «мумии», а живого классика.